

Яр Кремень

**Чёрная метка.
Цикл «Вещи помнят»**

ВЕЩИ ПОМНЯТ

Яр Кремень

**Чёрная метка. Цикл
«Вещи помнят»**

«Автор»

2026

Кремень Я.

Чёрная метка. Цикл «Вещи помнят» / Я. Кремень — «Автор», 2026 — (ВЕЩИ ПОМНЯТ)

41 год. 16 этажей. Одна чугунная труба, которая слышала всё. Пьяница Васька, чьи четыре бутылки по пятницам стали ритуалом длиною в жизнь. Женщина с восьмого этажа, выбросившая свадебное фото и обручальное кольцо. Гена, семнадцать лет писавший письма женщине, которая так и не узнала о его любви. Котёнок, летевший вниз четыре этажа, царапая когтями чугун, — и его мать Муся, вывшая три ночи подряд. Здесь Чернобыль, путч, дефолт, Беслан, Крым, ковид, война — каждая эпоха оставила свой след в мусорных отложениях. Мусорщики Коля, Саша и Ахмад собирали эти тайны, читали письма, хоронили кошек. А потом пришёл мастер с тросом и вытащил на свет ком спрессованной памяти. В нём было всё: бутылки, фотографии, письма, кольца, ленточки, шерсть. Мусоропровод опустел. Но память осталась в чугуне, в царапинах, в тишине.

© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧЁРНАЯ МЕТКА	5
1982. Июнь	6
ВАСЬКА	8
1983. Март. Заселение	9
1984. Ноябрь. Премия и игрушки	11
1985. Начало пьянства. Первые четыре бутылки	12
1986. Апрель. Чернобыль	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Яр Кремень
Чёрная метка. Цикл «Вещи помнят»

ЧЁРНАЯ МЕТКА

(мусоропровод)

1982. Июнь

Ещё до того, как в подъезде запахло шами, кошками и человеческим горем, до того, как стены покрылись слоями объявлений, детских рисунков и следов от плевков, — был он. Чугунная труба, вертикальная, как ствол векового дерева, уходящая вниз, в непроглядную темноту подвала, и вверх, до самой крыши, где летом грелись голуби, а зимой завывал ветер.

В тот июньский день дом пах свежестью — той особенной, новостроечной смесью цементной пыли, масляной краски и опилок, которая въедается в лёгкие рабочих и остаётся в памяти на всю жизнь. Лифты ещё не работали, и строители таскали инструмент на себе, матерясь и вытирая пот со лбов грязными рукавами.

Двое мужиков в промасленных спецовках, кряхтя и переругиваясь, прилаживали чугунную трубу к мусоросборнику в подвале. Один — молодой, лет тридцати, с рыжими усами и вечно недовольным выражением лица. Второй — постарше, с седыми вихрами и глубокими морщинами, которые прорезали лоб, как трещины в асфальте.

— Давай, поднимай, чтоб она провалилась, — хрипел молодой, налегая плечом на тяжёлую секцию. — Чтоб я ещё раз связался с этой работой...

— Не каркай, — спокойно отозвался старший, придерживая трубу. — Она и так провалится. Мусор-то вниз пойдёт. А ты лучше ровней держи, а то перекосим — потом жильцы проклинать будут.

Молодой сплюнул на цементный пол, но послушался. Они закрепили первую секцию, потом вторую, третью. Труба росла вверх, уходя в тёмную шахту, пробитую в перекрытиях. Каждую секцию скрепляли болтами, промазывали стыки чем-то вонючим, чтобы не протекало.

На каждом этаже, от первого до шестнадцатого, в стену врезали загрузочный клапан — чугунную дверцу с тяжёлой ручкой. Когда последний клапан встал на место, старший рабочий вытер руки ветошью, достал папиросу, закурил и сказал:

— Готово. Теперь лет на пятьдесят хватит. А может, и дольше. Чугун — он вечный.

— Всё под Богом, — философски заметил молодой, тоже закуривая. — И чугун не вечен.

Они ушли, оставив после себя запах махорки и машинного масла. Мусоропровод молчал. Он ещё не знал, что такое жизнь. Просто стоял пустой, тёмный, вертикальный, ожидая первого броска. Внутри него гулял сквозняк — холодный, бесконечный, идущий из ниоткуда в никуда. Где-то вверху, на самом верху, труба выходила на крышу, и ветер задувал в неё, создавая едва слышный гул, похожий на дыхание спящего великана.

Первые дни было тихо. Только иногда, когда рабочие проходили мимо, в шахту падали окурки, щепки, куски изолянтов. Мусоропровод привыкал к этим звукам — лёгким, почти неведомым. Они не причиняли боли, только щекотали стенки.

Первый настоящий бросок случился через три дня после того, как дом начали заселять. Молодая женщина с шестого этажа, в цветастом халате и с бигуди на голове, открыла клапан и высыпала картофельные очистки. Они полетели вниз, стуча о стенки, шурша, и упали в мусоросборник с глухим стуком. Мусоропровод вздрогнул. Впервые он ощутил внутри себя движение, звук, запах — кисловатый, сырой, от которого защипало в ноздрях, если бы они были.

Потом были яичная скорлупа, газеты, пустые бутылки из-под кефира и молока. Каждый бросок был новым ощущением. Мусоропровод учился различать: стекло звенело высоко и долго, ударяясь о стенки и разлетаясь осколками; бумага шелестела мягко, планируя вниз, как осенний лист; металлические крышки грохотали, отскакивая от выступов. И все эти звуки уносились вниз, в темноту, где ждал контейнер.

К концу первой недели мусоропровод уже знал, что утро начинается с шелеста газет и картофельных очисток, день — с пустых консервных банок и огрызков, а вечер — снова с газет и иногда — с детских подгузников. Он слушал этот ритм и учился понимать людей.

Он не знал тогда, что через много лет эти звуки станут голосами человеческих судеб. Что каждый бросок — это чья-то жизнь, чья-то боль, чья-то тайна. Что в этой чугунной трубе осядут слезы, кровь, любовь и отчаяние. Пока он просто слушал и ждал. Ждал, когда дом наполнится людьми, а люди — историями.

Где-то на пятом этаже хлопнула дверь. Послышались тяжёлые шаги, мужской голос, детский смех. Мусоропровод наострился — если бы у него были уши, он бы их наострил. Новая жизнь начиналась.

ВАСЬКА

Человек, который пил 12 лет подряд

1983. Март. Заселение

В марте 1983 года дом наконец заселили. После долгих месяцев строительной пыли, грохота инструментов и запаха цемента наступила тишина, которую быстро разорвали новые звуки – шаги, голоса, детский смех, лай собак, хлопанье дверей. Мусоропровод, всё ещё хранивший в своих недрах холод и пустоту, насторожился. Он учился различать этажи по походке: тяжёлая, шаркающая – старики; быстрая, цокающая – женщины на каблуках; топочущая, неровная – дети.

Пятый этаж, квартира 5А. Дверь распахнулась, и в подъезд ворвались звуки новой жизни. Первым вошёл мужчина. Мусоропровод сразу отметил его шаги – уверенные, твёрдые, с металлическим отзвуком подкованных ботинок. Так ходят рабочие, привыкшие к цеховым бетонным полам. Мужчина нёс два тяжёлых чемодана; мусоропровод слышал, как скрипят ручки, как чемоданы стучаются о стены на поворотах.

За ним, чуть запыхавшись, вошла женщина. Её шаги были легче, но тоже деловитые – она несла на руках ребёнка. Малышка лет двух, не больше, хныкала, уткнувшись матери в плечо. А следом, перепрыгивая через ступеньки, нёсся мальчишка лет пяти. Он тащил за собой плюшевого медведя, который волочился по полу, и радостно кричал:

– Мам, смотри, тут лифт! Мам, а почему он не работает?

– Колька, не бегай! – крикнула женщина устало. – Упадёшь, расшибёшься! Лифт потом включат, когда дом сдадут.

Мальчишка не слушал. Он взбежал на площадку пятого этажа, остановился, разглядывая всё вокруг. И тут его взгляд упал на чугунную дверцу мусоропровода, вмонтированную в стену. Он подошёл, потрогал ручку.

– Мам, а это что за штука?

Женщина, возившаяся с ключами, обернулась.

– Мусоропровод. Туда мусор выбрасывают. Не открывай, потом покажу.

– А он куда ведёт? Вниз?

– Вниз, в подвал. Отойди, дай дверь открыть.

Колька отошёл, но продолжал смотреть на чугунную дверцу с любопытством. Мусоропровод впервые ощутил на себе чей-то пристальный взгляд – не физический, конечно, но какое-то особое внимание. Он запомнил этого мальчишку.

Вечером, когда стемнело, и в окнах зажглись огни, мусоропровод услышал звук открывающегося клапана на пятом этаже. В шахту полетел первый мусор из квартиры 5А: обёртки от дешёвых конфет «Кара-Кум», огрызок яблока, пустая бутылка из-под кефира, скомканная газета «Известия» за прошлую неделю. Мусоропровод втянул запахи – табак, машинное масло, мужской пот, дешёвое мыло, и ещё что-то домашнее, уютное – запах щей, который шёл из квартиры.

Вместе с мусором донеслись обрывки разговора:

– ...устроюсь на завод, Люба, не бойсь. Токаря везде нужны. Квартира своя, прописались, живи да радуйся.

– Хорошо бы, Вась, – отвечал женский голос. – А то мне в общежитии надоело, соседи вечно пьяные.

Мужчина, которого звали Васька, закрыл клапан, и его шаги удалились в квартиру. Мусоропровод запомнил этот голос – спокойный, уверенный, чуть хриловатый от курения. Такой голос бывает у людей, которые знают, что справятся.

Ночью, когда дом затих, мусоропровод прислушивался к дыханию спящих. Из 5А доносилось мерное посапывание детей, иногда всхлипы – наверное, снилось что-то. Васька, судя по всему, не спал: слышно было, как он ходит по комнате, скрипит половицами, потом щёлкает

зажигалкой – курил в форточку. Мусоропровод улавливал запах дыма, тянувшийся по вентиляции.

Жизнь началась. И началась она с этого человека – простого рабочего парня, который въехал в новую квартиру с семьёй и надеждами. Мусоропровод тогда ещё не знал, что Васька станет главным героем его памяти на долгие годы.

1984. Ноябрь. Премия и игрушки

Год пролетел. Мусоропровод уже привык к звукам этого дома, к ритму жизни его обитателей. Он знал, что по утрам в шахту летят картофельные очистки, яичная скорлупа и пустые пачки от сигарет «Прима»; днём – консервные банки, огрызки и обрывки газет; вечером – снова очистки, иногда бутылки из-под пива.

Из квартиры 5А мусор летел регулярно, но почти всегда однотипный. Васька, судя по всему, работал много, возвращался поздно. Иногда мусоропровод слышал, как он переругивается с женой – из-за денег, из-за того, что мало помогает по дому, из-за того, что опять задержался на работе. Но ссоры быстро затихали, и в квартире снова воцарялся мир.

Но в ноябре 1984 года случилось событие, которое мусоропровод запомнил особенно ярко. Поздним вечером клапан на пятом этаже открылся, и в шахту полетело что-то необычное. Не привычные очистки, не пустые бутылки, а яркие, шуршащие обёртки. От конфет «Ассорти», от шоколада «Алёнка». Картонная коробка из-под заводной машинки – мусоропровод даже разглядел на ней картинку: жёлтый автомобильчик. Пластиковая упаковка от куклы – целлулоидное личико, голубые глаза, кудрявые волосы.

Из квартиры доносился детский визг, топот, смех.

– Папка, спасибо! – орал Колька. – Смотри, какая тачка! Она сама едет!

– А моя кукла! – вторила Ленка, которой уже исполнилось четыре. – Мам, смотри, она глаза закрывает!

Мусоропровод слышал, как Васька вышел на лестничную клетку, закурил. Он стоял у окна, смотрел на огни ночного города, и мусоропровод чувствовал его дыхание – удовлетворённое, тёплое, какое-то даже счастливое.

– Премия вышла, – сказал он сам себе, выпуская дым. – Пятьдесят рублей. Детям купил. Пусть радуются. А себе... себе ничего не взял. Люба, ты только не ругайся.

Из квартиры вышла Люба. Обняла его сзади, прижалась щекой к спине.

– Молодец, – сказала она тихо. – Хороший ты у меня. Детей балуешь.

– Не балуй это, – отозвался Васька, затягиваясь. – Это счастье. Они у меня маленькие ещё. Пусть запомнят, что папа хороший.

Они стояли так минуту, молча. Потом Люба потянула его в квартиру:

– Идём, чай пить. Я пирог испекла.

Дверь закрылась. А мусоропровод ещё долго хранил запах этого вечера – запах счастья, детского смеха, табачного дыма и яблочного пирога. Ему казалось, что даже чугун стал теплее.

В ту ночь он понял: люди не только выбрасывают боль и отчаяние. Иногда они выбрасывают и радость – в виде обёрток от конфет, в виде коробок от игрушек. И эта радость тоже остаётся в нём, въедается в стенки, согревает.

Он запомнил эту дату – ноябрь 1984-го. Потому что потом такого счастья из квартиры 5А больше не летело.

1985. Начало пьянства. Первые четыре бутылки

В 1985 году что-то изменилось. Мусоропровод почувствовал это сначала по запаху: из квартиры 5А всё чаще стал доноситься запах перегара, даже днём. Васька стал приходить с работы позже, шаги его стали тяжелее, неувереннее. Иногда он, проходя мимо мусоропровода, не открывал клапан, а просто опирался на него рукой, тяжело дышал.

А потом начались пятницы.

Первая пятница случилась в марте. Ровно в 21:00 клапан на пятом этаже открылся – резко, с каким-то вызовом. Мусоропровод даже вздрогнул от неожиданности. Запах перегара ударил первым – такой густой, кислый, что казалось, его можно потрогать. А потом в шахту полетела бутылка.

ДЗЫЫЫНЬ! – звук разнёсся по всей трубе, многократно усиливаясь эхом. Бутылка ударилась о стенку четвёртого этажа, отскочила, ударилась о третий, второй, первый. Осколки брызнули в разные стороны, застряли в трещинах, упали на дно.

– На тебе, сука! – заорал Васька.

Вторая бутылка. *ДЗЫЫЫНЬ!* Третья. Четвёртая.

После четвёртой – тишина. Мусоропровод замер в ожидании. Но бутылок больше не было. Только тяжёлое дыхание и шаги, удаляющиеся в квартиру.

Мусоропровод пересчитал: четыре. Ровно четыре. Почему четыре? Почему не три, не пять?

На следующую пятницу повторилось то же самое. Ровно в 21:00 – открытие клапана, четыре бутылки, тишина. И так каждую пятницу.

Мусоропровод начал изучать этот ритуал. Он замечал мельчайшие детали: первую бутылку Васька бросал с силой, почти с яростью – она летела под углом, ударялась о стенку на четвёртом этаже, рикошетила, дробясь на мелкие осколки. Вторую – чуть спокойнее, прямее. Третью – с каким-то отчаянием, с хриплым выдохом. Четвёртую – уже почти без сил, просто выпускал из рук, и она падала вертикально, глухо звякая о выступы.

Иногда после четвёртой бутылки Васька что-то бормотал. Мусоропровод вслушивался:

– ...не могу больше... достали... начальник козёл... деньги кончились... Люба пилит...

А однажды, после особенно тяжёлой пятницы, он услышал:

– За что, а? Я ж работать ходил, я ж старался... А они... а она...

И тишина.

Через месяц в мусоре появились огрызки яблок. Гнилые, плесневые, с чёрными пятнами. Васька швырял их следом за бутылками, крича:

– Жри! Жрите все! Получайте!

Мусоропровод понимал: это уже не просто пьянка. Это ритуал очищения, способ выплеснуть злость и боль. Васька сражался с кем-то невидимым, и мусоропровод становился его единственным слушателем.

Прошло полгода. В пятницу, в 21:00, к ритуалу добавился новый звук – женский крик из квартиры:

– Васька, скотина! Хватит! Люди же слышат! Дети боятся!

Дверь хлопала. Васька выбегал на лестницу, открывал клапан и бросал пятую бутылку – вдогонку. *ДЗЫЫЫНЬ!* – уже не ритуально, а виновато.

Потом он сползал по стене и плакал.

Мусоропровод слушал эти слёзы и думал: Васька, Васька, что же с тобой случилось? Где тот уверенный парень, который год назад покупал детям игрушки?

Ответа не было. Только звон бутылок и горький запах перегара, въедающийся в чугун.

1986. Апрель. Чернобыль

Апрель 1986 года ворвался в дом неожиданно, хотя новости ползли уже несколько дней. Мусоропровод почувствовал тревогу по запаху: запахло йодом, марлей, какой-то химией. Люди сновали по лестницам, шептались, крестились. Из квартир доносились взволнованные голоса дикторов по телевизору.

В мусоропровод полетели газеты. Много газет. «Правда», «Известия», «Труд» – все с чёрными шапками: «Авария на Чернобыльской АЭС», «Радиационная опасность», «Эвакуация». Люди комкали их и выбрасывали, будто вместе с бумагой можно было избавиться от страха.

Из квартиры 5А в тот вечер не доносилось ни звука. Васька сидел на кухне, курил в форточку, смотрел на тёмное небо. Мусоропровод слышал его дыхание – тяжёлое, прерывистое.

– Люба, – сказал он вдруг. – Я еду.

– Куда? – голос жены дрогнул.

– Там. В Чернобыль. Слышала, наверное. Реактор взорвался.

– Ты с ума сошёл?! – Люба закричала. – Там же смерть! Радиация! Тебя убьёт!

– Тише, детей разбудишь. – Васька говорил спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась обречённость. – Там мужики нужны. Токаря. Оборудование чинить. Меня вызвали.

– Кто вызвал? Ты с завода уже год как уволился!

– Вызвали, значит. Есть такие люди. Родина позвала.

Люба заплакала. Она кричала, что не пустит, что он отец, что дети без него останутся. Васька молчал.

Утром он собрал вещи – мусоропровод слышал, как звякают пряжки ремня, как шуршит брезентовая сумка. Потом шаги к двери, поцелуи, детский плач.

– Папка, не уезжай! – кричал Колька.

– Я скоро, сынок. Я вернусь.

Дверь хлопнула. Шаги вниз по лестнице – твёрдые, как в первый день. Мусоропровод провожал их звуком, и ему казалось, что Васька уходит навсегда.

Два месяца тишины. Из квартиры 5А почти ничего не летело. Люба выходила редко, дети притихли. Мусоропровод скучал по звону бутылок. Странно, но этот звук стал частью его жизни.

Август 1986. Васька вернулся. Мусоропровод узнал его шаги сразу – но они были другие. Не твёрдые, не уверенные. Тяжёлые, шаркающие, как у старика.

Он поднялся на пятый этаж. Дверь открылась – женский крик, всхлипывания, детский визг. Потом тишина.

Вечером, в 21:00, клапан открылся. Первая бутылка полетела в шахту – но звук был другой. Глухой, тяжёлый, без звона. Вторая, третья, четвёртая. Васька не кричал, не ругался. Он только шептал:

– На... на... на... За Чернобыль.

Мусоропровод понял: тот Васька, который уехал в апреле, не вернулся. Вернулся другой. С пустыми глазами, с серым лицом, с руками, которые всё ещё дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.